

ОРГАНЫ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

(дополненная версия статьи)

Действующая на основе утвержденного 28 мая 1922 г. Положения «О прокурорском надзоре», военная прокуратура не была самостоятельным государственным органом, а входила в качестве отдела в Народный комиссариат юстиции РСФСР, руководитель которого являлся одновременно и прокурором республики.

Широкие масштабы деятельности, значительные полномочия за единообразным исполнением законов на всей территории СССР, а также двойственность взаимоотношений с судебными органами требовали преобразования прокуратуры в самостоятельный государственный орган. Утвержденное 17 декабря 1933 г. Положение «О Прокуратуре Союза ССР» закрепило правовой статус Прокуратуры СССР как самостоятельного государственного органа. Во второй половине 1930-х годов организационно сформировалась Главная военная прокуратура Красной Армии, в состав которой вошла и военная прокуратура Ленинградского военного округа.

На военную прокуратуру возлагались следующие задачи: осуществление общего надзора за законностью действий должностных лиц; опротестование нарушающих закон приказов, постановлений и распоряжений, изданных должностными лицами; возбуждение уголовного преследования и осуществление функций прокурорского надзора по делам, подсудным военным трибуналам; возбуждение в подлежащих случаях дисциплинарного преследования в отношении военнослужащих и военнообязанных; осуществление надзора за производством следствия военными следователями; осуществление надзора за правильным содержанием под стражей и надзора за исполнением приговоров военных трибуналов.

Военные трибуналы были созданы на фронтах Гражданской войны, и руководство ими осуществлял реввоентрибунал Республики. Декретом ВЦИК РСФСР от 23 июня 1921 г. реввоентрибуналы в округах, на фронтах, в армиях и дивизиях были упразднены, кроме тех местностей, где их немедленное упразднение было бы преждевременным. Реввоентрибуналы Петроградского военного округа и Балтийского флота были преобразованы в реввоентрибунал Петроградского укрепрайона, которому были подчинены реввоентрибуналы Мурманского укрепрайона и Кронштадтской крепости. Все остальные реввоентрибуналы и их отделы с 1 августа 1921 г. в связи с уменьшением нагрузки и отпадением в них необходимости были упразднены.

Завершение становления новой отечественной судебной системы было приурочено к моменту образования Союза ССР. В качестве ее подсистемы на началах общих принципов и правил функционировали военные суды, призванные осуществлять правосудие в воинских формированиях страны. В 1922 г. революционные военные трибуналы были восстановлены во всех военных округах, в том числе в Петроградском военном округе, который именовался Реввоентрибунал Петроградского военного округа и Балтийского флота.

С переименованием военного округа в Ленинградский соответствующее наименование получил и его военный трибунал. В период с 1925 г. по июнь 1941 г. Военный трибунал Ленинградского военного округа осуществлял свои полномочия в соответствии с: «Положением

о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик» от 23 ноября 1923 г., «Наказом Верховному Суду СССР», утвержденным постановлением ЦИК СССР 14 июля 1924 г., постановлением ЦИК СССР от 1 августа 1924 г. «О военной коллегии Верховного Суда Союза ССР», постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1926 г. «Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре», «Основами судостроительства Союза ССР и Союзных Республик» от 29 октября 1929 г.

С 1923 г. руководство военными трибуналами было возложено на Военную коллегия Верховного суда РФ (с 1924 г. — ВК ВС СССР). Анализ проблемы подсудности уголовных дел военным трибуналам в конце 1920-1930-х гг. позволяет сделать вывод о том, что их деятельность была в основном направлена на борьбу с преступностью в армии и на флоте. В то же время очевидно, что их компетенция была слишком расширена как по предметному, территориальному, так и субъектному признакам и вышла за пределы нормального состояния, т. е. за рамки их специфических задач.

По закону о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. военные трибуналы относились к числу специальных судов наряду с линейными судами железнодорожного и водного транспорта. Они рассматривали дела о воинских преступлениях, а также об иных преступлениях, отнесенных законом к их ведению.

Расследованные НКВД СССР и его местными органами дела об измене Родине, о шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного суда Союза ССР и военными трибуналами округов по подсудности.

Как правило, на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР рассматривались наиболее важные политические дела. Так, в марте 1936 г. в Ленинграде была арестована группа лиц, которые обвинялись в участии «в троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство и подготавливавшей при помощи агентов фашистской германской тайной полиции (Гестапо) ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, а также принявшей участие в подготовке покушения над тов. Сталиным и тов. Ждановым». Среди обвиняемых оказался Л. С. Чижииков — секретарь политотдела местных стрелковых войск и складов ЛВО. Военной коллегией Верховного суда 11 октября 1936 г. пять человек (Л. С. Чижииков, Д. А. Ростовцев, В. В. Дорошенко, А. И. Овшин, Г. А. Антропов) были осуждены по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

В производстве предварительного следствия по делу принимали участие работники НКВД Коркин, Лупекин и Карпович, позже осужденные за нарушения в следственной работе и фальсификацию дел. Фактических доказательств вины подсудимых в политических преступлениях суду ими представлено не было. Терроризм сводился к разговорам обвиняемых о ненависти к руководителям ВКП(б), особенно к Сталину. Следователи НКВД в очередной раз отработали сценарий о террористических происках троцкистов, аналогичный Кировскому делу, и передали дело в суд. Выездную сессию ВКВС под председательством армвоенюриста В. В. Ульриха собранные доказательства вины обвиняемых вполне удовлетворили.

В процессе следствия по этому делу был арестован еще один военнослужащий — инструктор политотдела местных стрелковых войск и складов ЛВО П. Г. Неклюков. Виновным себя в принадлежности к антисоветской организации Неклюков не признал и каких-либо доказательств его виновности в деле не имеет. Ссылка же в обвинительном заключении на то, что Неклюков «был тесно связан с террористом Чижииковым», в чем якобы изобличается последним, несостоятельна, так как в показаниях Чижиикова подобных данных не содержится. Тем не менее судебным заседанием ВКВС 6 ноября 1936 г. Неклюков был признан виновным в том, что «был связан с террористом Чижииковым и дал последнему согласие снабжать террористическую группу огнестрельным оружием для совершения терактов». Старший политрук П. Г. Неклюков был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением ВКВС СССР от 25 июля 1957 г. дело в отношении П. Г. Неклюкова и остальных осужденных по данному делу прекращено за отсутствием состава преступления.

В 1936 г. вынесение судебными органами расстрельных приговоров командирам РККА перестало быть редкостью. В ЛВО проходили групповые судебные процессы над командирами (начальниками), обвиняемыми в политических преступлениях. Так, военным трибуналом ЛВО 25 апреля — 22 мая 1936 г. были осуждены 20 человек финской национальности, среди них шесть командиров из Олонецкого батальона Отдельной Карельской стрелковой бригады. Все кадровые военные егерской части, прослужившие в РККА 5-13 лет, коммунисты, они были обвинены в политических преступлениях и приговорены: к высшей мере наказания — командиры взводов В. О. Мандере, Б. Г. Сова; к различному срокам лишения свободы — командир батальона А. К. Хильден (десять лет ИТЛ), помощник командира батальона О. П. Корпимаа (пять лет ИТЛ), командиры рот Э. И. Ниemi (семь лет ИТЛ), М. М. Вуори (четыре года ИТЛ). Позже Военная коллегия Верховного суда своим постановлением № 00977/36 от 6 августа 1959 г. отменила приговор ЛВО 1936 г. за отсутствием состава преступления. Данное дело — не только пример одного из первых групповых политических процессов, в ходе которого фактически был обезглавлен отдельный батальон. Вскоре прекратила существование и Отдельная Карельская бригада. Уникальное егерское соединение, созданное для действий в лесах Карелии и

Финляндии, было расформировано.

В начале 1937 г. военные трибуналы ЛВО часто рассматривали дела о контрреволюционной агитации. Например, 13 января 1937 г. Военный трибунал 7-го механизированного корпуса под председательством Ф. П. Нелюбина в закрытом судебном заседании рассмотрел дело по обвинению красноармейцев учебного батальона 19-й механизированной бригады Б. А. Массальского, Г. Ф. Васильева, Э. Ф. Судакова, которые обвинялись в антисоветской агитации среди военнослужащих своего подразделения (контрреволюционные лозунги антисемитского содержания, антисоветские анекдоты, дискредитация вождей ВКП(б) и правительства). Военный трибунал 7 мк приговорил Б. А. Массальского и Г. Ф. Васильева к лишению свободы в ИТЛ сроком на пять лет каждого, Э. Ф. Судакова (учинил цинично-хулиганскую надпись на газете с портретом Сталина) — на три года. Определением военного трибунала ЛВО от 13 февраля 1937 г. в отношении Судакова мера наказания была снижена до двух лет.

В период развертывания массовых политических репрессий в стране и в армии этот приговор был опротестован помощником Главного военного прокурора РККА, как слишком мягкий, и данное дело было пересмотрено. В определении Военной коллегии Верховного суда от 28 сентября 1937 г. указывалось: «Ввиду того, что ВТ 7 мк, осудив Массальского, Васильева и Судакова за кр. агитацию, не поразил их в политических правах, а ВТ ЛВО, рассмотрев дело в кассацион. порядке не только не выправил ошибки ВТ, а снизил наказание Судакову — как приговор так и определение ВТ ЛВО — отменить и дело передать для нового рассмотрения в тот же ВТ в ином составе судей».

Деятельность военных трибуналов ЛВО в середине 1930-х годов характеризуют статистические данные о судимости военнослужащих в тот период, в частности представляют интерес «Общие данные о судимости в военных трибуналах ЛВО военнослужащих кадра РККА». В документе приводятся сведения за 1935 и 1936 гг.: всего осуждено в 1935 г. — 554 чел., в 1936 г. — 502 чел., из них начсостав в 1935 г. — 196 чел. (35,3 %), в 1936 г. — 151 чел. (30 %). При этом осужденный начальствующий состав распределялся следующим образом: в 1935 г. — 74 чел. командно-начальствующий состав, остальные 122 чел. — младший начальствующий состав; в 1936 г. — 34 чел. командно-начальствующий состав, остальные 117 чел. — младший начальствующий состав.

Общая тенденция к сокращению в 1936 г. числа осужденных военнослужащих (командно-начальствующего состава в том числе) военными трибуналами ЛВО распространялась и на политические преступления. Так, «Сведения о судимости военнослужащих кадра за контрреволюционную агитацию (ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР)» содержат следующие данные: в 1935 г. по данной статье осуждено 155 военнослужащих, в том числе 13 командиров (начальников) старшего и среднего звена, в 1936 г. — 141 военнослужащий, в том числе четыре командира (начальника) среднего звена.

Военные трибуналы ЛВО выносили приговоры по обвинению и в других, более тяжких политических преступлениях. Так, в 1936 г. было осуждено: за шпионаж 10 чел., в том числе начсостав — 9; за терроризм — 5 чел., в том числе начсостав — 4; за недоносительство — 3 чел., в том числе начсостав — 2. Приговоры, вынесенные за данные преступления, были значительно жестче. Например, в 1936 г. за контрреволюционную агитацию было осуждено 42 представителя начсостава, при этом более 70 % было приговорено к лишению свободы на 3-5 лет, смертных приговоров вынесено не было. В том же году: из осужденных за шпионаж половина была приговорена на срок до десяти лет и трое были приговорены к высшей мере наказания; из осужденных за терроризм четверо были приговорены на срок 10 лет и один — к расстрелу.

Примечательно, что обозначившаяся в 1936 г. тенденция к снижению количества осужденных военнослужащих сменилась в 1937 г. на противоположную. Это подтверждают «Общие данные о судимости в ВТ ЛВО кадрового состава за 1 квартал 1937 г.»: всего осуждено военнослужащих 171 чел. (командно-начальствующий состав — 18 чел., младший начсостав — 36 чел., рядовой состав — 117 чел.). Из 54-х представителей начсостава ЛВО 19 (35,3 %) были осуждены за контрреволюционную агитацию. Приговоры, вынесенные им, были следующие: условное лишение свободы — 3 чел., лишение свободы до трех лет — 9 чел., 3-5 лет ИТЛ — 33 чел., 5-10 лет ИТЛ — 6 чел., 10 лет ИТЛ — 1 чел., высшая мера наказания — 2 чел. Таким образом, основная масса осужденного начсостава (более 60 %) была приговорена к 3-5 годам ИТЛ³³⁸.

Развитие дальнейших событий привело к тому, что количество осужденных по политическим статьям значительно выросло. Более жесткими стали и приговоры, выносимые военными трибуналами. Имеющиеся сведения о командно-начальствующем составе, осужденном в 1937 г. Военным трибуналом Ленинградского округа за политические преступления, позволяют сделать вывод, что 19 % из них были приговорены к срокам от пяти до восьми лет ИТЛ, 22 % — к 10 годам ИТЛ, 19 % — к 15-20 годам ИТЛ и около 40 % — к высшей мере наказания.

Для военных трибуналов ЛВО уже перестали быть редкостью групповые дела военнослужащих, обвиняемых в политических преступлениях. К групповым процессам начала 1937 г. над рядовым составом можно отнести дело красноармейцев Н. О. Грушко, Н. К. Кондрашина и И. И. Степанова из 31-й механизированной бригады. Первый обвинялся в том, что

«систематически занимался дискредитацией политики ВКП(б) и советской власти во всех областях социалистического строительства, работая в качестве художника при клубе бригады, Грушко в своей повседневной работе проводил антисоветские взгляды, враждебно высказываясь о формах и методах советского искусства...»³³⁹, остальные — в том, что разделяли его «отдельные контрреволюционные взгляды». 21-22 февраля 1937 г. Военный трибунал 7-го механизированного корпуса под председательством Ф. П. Нелюбина приговорил Н. О. Грушко к шести, Н. К. Кондрашина к двум, И. И. Степанова к 1,5 годам лишения свободы.

Рассмотрев кассационную жалобу осужденного Н. О. Грушко, военный трибунал ЛВО под председательством диввоенюриста А. И. Мазюка определил: «Кассационную жалобу Грушко оставить без последствий». Более того, посчитав ранее вынесенный приговор слишком мягким, приговорил Н. О. Грушко к семи годам ИТЛ с последующим поражением в правах в течение трех лет, Н. К. Кондрашина к трем годам ИТЛ с последующим поражением в правах в течение двух лет и И. И. Степанова — на два года и шесть месяцев без поражения в правах. Позже эти два дела будут фигурировать в качестве примера вынесения военным прокурором Ф. П. Нелюбиным слишком мягких приговоров за политические преступления.

Характерным для деятельности Военного трибунала ЛВО в период развертывания массовых политических репрессий является дело Б. Ф. Посковского. В справке на его арест, утвержденной начальником ОО ЛВО майором ГБ Я. Е. Перельмутром 16 апреля 1937 г., указывалось: «Посковский Борис Федорович, 1883 г. р., ур. Г. Ораниенбаума, нач-к 5 отделения Обозно-вещевого отдела ЛВО, интендант 1 ранга, б/п, немец, проживает г. Ленинград, Тверская ул. д. 20, кв. 9, является агентом германских разведывательных органов»³⁴⁰. Арест санкционирован военным прокурором ЛВО Н. М. Кузнецовым 23 апреля того же года. Необходимо отметить, что все формальности ареста были соблюдены, и 13 мая 1937 г. Б. Ф. Посковский был заключен под стражу. В процессе следствия, несмотря на старание следователей, не удалось доказать причастность Посковского к шпионажу. В обвинительном заключении указывалось: «а) На протяжении ряда лет систематически среди военнослужащих вел к-р троцкистскую агитацию против проводимых мероприятий партии и сов. власти; б) будучи военнослужащим поддерживал связь с агентом иностранной разведки Роде, т. е. в пр. пр. ст. 58-10 УК РСФСР, за что подлежит суду Военного Трибунала ЛВО».

Судебное заседание военного трибунала ЛВО под председательством диввоенюриста А. И. Мазюка продолжалось 2 дня — 27 и 28 июля 1937 г. Содержание протокола судебного заседания из восьми страниц свидетельствует о стремлении суда разобраться в деле. Были допрошены четыре свидетеля, которые подтвердили некоторые высказывания подсудимого. Например, А. В. Захаров показал: «Посковский также в неоднократных разговорах со мной, высказывал свое недовольство тяжелым положением трудящихся, заявляя, что это происходит благодаря неверной политике партии и сов. власти... не знаешь когда тебя возьмут и посадят в тюрьму». Другой свидетель показал: «... слышал от Посковского, что бедняки не привыкли работать, что они лентяи и пьяницы, а кулаки — это работоспособные люди, но им работать не дают». В документах также отмечалось: «Посковский пытался утверждать, что построение социалистического общества, якобы невозможно и что Советская власть не долговечна». Попытка предварительного следствия обвинить Б. Ф. Посковского в шпионаже не получила поддержку суда. Тем не менее Б. Ф. Посковский был приговорен военным трибуналом ЛВО по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация) к десяти годам ИТЛ с последующим поражением в правах в течение пяти лет. Данный пример свидетельствует, что военный трибунал ЛВО не шел на поводу у органов НКВД при вынесении судебных решений по политическим делам, стремился проявлять объективность и независимость.

В 1938 г. ситуация с жесткостью вынесенных приговоров изменилась и количество расстрельных приговоров, вынесенных командно-начальствующему составу военным трибуналом ЛВО, составляло около 50 %. В период массовых политических репрессий приговоры за политические преступления командно-начальствующему составу также выносили военные трибуналы корпусов (ВТ 1 ск, ВТ 19 ск, ВТ 7 мк), которые, как правило, определяли наказание в виде лишения свободы на 7-10 лет.

В 1938 г. активно действовал военный трибунал Северного военного комиссариата, который выносил приговоры (как правило, от шести до двадцати лет ИТЛ) командно-начальствующему составу, проходящему службу в Архангельской и Вологодской областях.

В 1938-1939 гг. судебные решения по политическим делам в ЛВО принимали 60, 103, 154, 212 и 403-й военные трибуналы, которые обычно выносили приговоры в виде лишения свободы сроком до десяти лет.

Активно действовали в период массовых политических репрессий различные внесудебные инстанции — Особое совещание при НКВД СССР, высшая «двойка» (нарком внутренних дел и прокурор Союза ССР), «тройки» НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей (первый секретарь соответствующего комитета ВКП(б), начальник управления (отдела) НКВД и прокурор республики (края, области).

Именно в эти инстанции следственные органы НКВД направляли наспех подготовленные материалы, которые представлять в военный трибунал или в Военную коллегия Верховного суда было рискованно. Например, начальник штаба 162-го стрелкового полка Н. Я. Карбасников

был арестован 15 августа 1937 г. по обвинению в антисоветской агитации, хранении контрреволюционной троцкистско-бухаринской литературы. Как правило, суд за подобное преступление определял наказание в виде лишения свободы, но Особой тройкой НКВД Карельской АССР от 28 декабря 1937 г. на основании ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР он был осужден к высшей мере наказания.

Ударно трудилось в 1937 г. Особое совещание, фактически работая на добывание тех, кто был осужден за политическое преступление к лишению свободы. Например, полковой комиссар М. А. Илюкович-Строковский был приговорен 26 декабря 1936 г. ВКВС к десяти годам лишения свободы. Наказание он отбывал в ИТЛ на Соловках, где 9 октября 1937 г. Особым совещанием при НКВД был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 2 ноября 1937 г.

Заочно, без вызова подсудимых «двойки» и «тройки» оперативно выносили приговоры за политические преступления. Например, «двойкой» был осужден старший преподаватель АКУКС майор А. А. Верцинский. Он был арестован 5-м отделом УНКВД ДО 28 августа 1937 г. и обвинялся в том, что по указанию руководителей контрреволюционной организации проводил вредительскую деятельность: «При инспектировании воинских частей давал неправильные, а в ряде случаев вредительские оценки, участвовал в составлении вредительских учебных программ, при чтении лекций сознательно не освещал основные вопросы темы и одновременно с этим занимался проведением антисоветской агитации». 12 января 1938 г. по решению Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР А. А. Верцинский был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 18 января того же года. В 1956 г. дополнительной проверкой было установлено, что никаких компрометирующих материалов на Верцинского А. А. в архивах МВД-КГБ не имеется», и он был осужден без всяких на то оснований.

На основании постановления Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 17 января 1938 г. также был расстрелян старший военветфельдшер С. А. Режковский. По обвинительному заключению, которое никем не утверждено, Режковский признан виновным в том, что он с 1932 г. является агентом польской разведки. Обвинение Режковского основано только на его показаниях, данных на предварительном следствии. Значительно позже в ходе дополнительной проверки было установлено: «Эти голословные показания Режковского не могут служить доказательством его виновности, так как они опровергаются материалами проверки». Определением военного трибунала ЛВО от 4 ноября 1957 г. С. А. Режковский был признан невиновным и реабилитирован.

В период массовых репрессий значительное количество расстрельных приговоров командно-начальствующему составу ЛВО за контрреволюционные преступления было вынесено высшим судебным органом страны — Военной коллегией Верховного суда СССР. Политические дела рассматривались выездными сессиями Военной коллегии Верховного суда в ходе закрытых судебных заседаний, на которых выносили приговоры осужденным по первой категории (высшая мера наказания) и второй категории (длительный срок лишения свободы). Все подсудимые, отнесенные к первой категории, были приговорены к высшей мере наказания с конфискацией имущества и лишением воинских званий (если такие были присвоены). С октября 1936 г. по сентябрь 1938 г. (включительно), т. е. за два года, в Ленинграде было проведено 47 заседаний ВКВС, в ходе которых было приговорено к высшей мере наказания 1340 человек, из них представителей Наркомата обороны 4. Некоторые из расстрелянных командиров (начальников) проходили службу в других регионах, например полковник Ф. М. Морской-Державец из Москвы, комбриг В. Г. Драгилев из СибВО. Они были этапированы в Ленинград после ареста, где им и был вынесен приговор.

Судя по времени, отмеченном в приговорах, на каждого обвиняемого затрачивалось, как правило, 20 минут, и работа данного судебного органа по вынесению приговоров напоминала работу конвейера. Например, 30 и 31 августа 1937 г. на рассмотрение дела каждого обвиняемого отводилось ровно по 20 минут, следовательно комиссия, приговаривая к расстрелу по 30 человек в день, трудилась без перерыва по 10 часов. В отдельные дни количество вынесенных расстрельных приговоров доходило до 60 (26 февраля 1938 г.) и 62 (20 сентября 1938 г.), что вызывает сомнения в том, что дело каждого приговоренного могло рассматриваться хотя бы в течение 10 минут.

Сомнения в проведении какого-то судебного разбирательства при вынесении Военной коллегией смертных приговоров усиливаются, когда обнаруживаются явные несоответствия в документах. Например, 30 августа 1937 г. у двоих приговоренных (дивизионный комиссар И. С. Нижечек, работник ОСОАВИАХИМа А. Г. Лебедев) проставлено в приговоре одно и то же время рассмотрения дела 18.40-19.00. Мало того, что два дела, тем более не связанные друг с другом, одновременно рассматриваться не могли, но имеется документ, подтверждающий, что все 30 приговоренных в тот же день были расстреляны с 16.30 до 17.00.

Следующий пример несоответствия: сотрудник Остехбюро И. М. На- берухин значится как приговоренный ВКВС к расстрелу 26 февраля 1938 г., но он присутствовать на суде не мог, так как в это время был болен и находился в тюремной больнице и был доставлен комендантом НКВД только на расстрел.

Не являются редкостью случаи, когда по документам приговор был приведен в исполнение

ранее его вынесения Военной коллегией. Например, батальонный комиссар В. К. Соболев был приговорен к высшей мере наказания 31 августа 1937 г., но в справке о приведении приговора в исполнение проставлена дата 30 августа 1937 г. То же самое значит у расстрелянных полкового комиссара Б. Ф. Бохановского и батальонного комиссара Н. Ф. Колмыкова.

Все это свидетельствует о формальном подходе ВКВС к вынесению высшей меры наказания. Деятельность выездных сессий сводилась к оформлению уже принятого сверху решения о предании определенных лиц суду первой категории, и повлиять на это решение они практически не могли.

В определенные периоды заседания выездной сессии ВКВС проводились активно. Например, в последней декаде февраля 1938 г. в Ленинграде было проведено три заседания, в ходе которых рассмотрено 95 дел, из них 70 — дела на военнослужащих, вольнонаемных РККА, работников ОСОАВИАХИМа и Остехбюро. Накануне Дня Красной армии, 22 февраля 1938 г., состоялось заседание под председательством диввоенюриста Б. И. Иевлева, на котором к высшей мере наказания был приговорен 21 военнослужащий в званиях от майора до флагмана 1 ранга. Без усталости трудился состав выездной сессии ВКВС и в сам праздник: 23 февраля 1938 г. было рассмотрено 33 дела и было вынесено 18 расстрельных приговоров командирам ЛВО и ВМФ, представителям военторга, Военспецстроя. Остальные 15 приговоренных к расстрелу в этот день — представители Остехбюро, которые занимались исключительно важными проблемами создания перспективного вооружения, например, телеуправляемых торпед, танков, поездов. Анализ итогов работы заседаний выездных сессий ВКВС в Ленинграде показывает, что в 1937-1938 гг. военнослужащие и вольнонаемные РККА составляли значительную часть приговоренных к высшей мере наказания — около 21 %.

Одним из многочисленных примеров формального подхода к выполнению Военной коллегией Верховного суда СССР своих функций в период массовых политических репрессий является дело старшего преподавателя Военно-политической академии бригадного комиссара А. А. Таланкина, арестованного 4 июня 1937 г. В судебном заседании он был признан участником троцкистской террористической организации, в которую его завербовали бывшие преподаватели ВПА Тымянский и Медведев. Это утверждение основано исключительно на признании А. А. Таланкина своей вины, иных объективных доказательств в материалах дела не имеется. Позже было установлено, что А. Р. Медведев и Г. С. Тымянский ни в какой контрреволюционной организации не состояли и в таковую никого не вовлекали. Бывшие работники особого отдела УНКВД Ленобласти Шлезингер, Кудря, Перельмутр и Никонович, принимавшие участие в расследовании настоящего дела, впоследствии сами были привлечены к уголовной ответственности за враждебную деятельность в органах НКВД и фальсификацию следственных материалов. Но 31 августа 1937 г. приговором Военной коллегии Верховного суда Союза ССР на основании ст. 58-8 и ст. 58-11 УК РСФСР А. А. Таланкин был осужден к расстрелу с конфискацией имущества. Вершившие правосудие явно спешили закончить очередное политическое дело: в справке об исполнении приговора обозначена дата расстрела — 30 августа 1937 г., т. е. за день до вынесения приговора ВКВС. Бригадный комиссар А. А. Таланкин был реабилитирован посмертно 8 октября 1957 г.

Таким образом, исполнительская деятельность выездных сессий ВКВС в отношении вынесения смертных приговоров за политические преступления сводилась к оформлению уже принятого решения о ликвидации неугодных существующему политическому режиму. Относительно осужденных по второй категории полномочия ВКВС были несколько шире, создавалась видимость рассмотрения дел, и в отдельных случаях они направлялись на следствие.

Не отличались объективностью и детальным рассмотрением материалов дела решения, выносимые Особой тройкой УНКВД ЛО. Зачастую слушание вообще не проводилось. В большинстве случаев деятельность этого органа сводилась к быстрейшему вынесению расстрельного приговора тем, кто за совершение политических преступлений уже был осужден к лишению свободы с отбыванием срока в ИТЛ. В качестве примера можно привести дело бывшего преподавателя Военно-медицинской академии И. А. Вайсберга, который решением Особой тройки УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. был приговорен к расстрелу. Как видно из материалов архивно-следственного дела № 668937, Вайсберг этим решением без всякого расследования вторично осужден за то же преступление, за которое он был ранее приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР. Батальонный комиссар И. А. Вайсберг в числе других лиц был осужден ВКВС 29 декабря 1936 г. к лишению свободы в ИТЛ сроком на десять лет с последующим поражением в правах в течение пяти лет и конфискацией имущества по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. И. А. Вайсберг был расстрелян 2 ноября 1937 г., реабилитирован посмертно 20 мая 1957 г.

Подобная же участь постигла бывшего инструктора политуправления ЛВО В. М. Есипова, который 28 декабря 1936 г. был приговорен к десяти годам ИТЛ с последующим поражением в правах в течение пяти лет и конфискацией имущества за участие в контрреволюционной организации (предоставлял свою квартиру для нелегальных сборищ). В заявлении от 20 февраля 1937 г. Есипов отрицал вину в проведении антисоветской деятельности и отказался от своих прежних показаний, сообщив, что протоколы допроса с неправильными показаниями он

подписал «находясь в состоянии нервно-психического расстройства». В нарушение ст. 3 УПК РСФСР В. М. Есипов за это же преступление на основании постановления Особой тройки УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. был расстрелян. Реабилитирован В. М. Есипов посмертно 1 декабря 1959 г.

Некоторая часть командиров (начальников) ЛВО подверглась суду Особым совещанием при НКВД СССР (ОСО). Большинство военнослужащих было приговорено этим внесудебным органом к 5-8 годам ИТЛ. Например, в штабе ЛВО в 1939-1940 г. были осуждены ОСО арестованные во второй половине 1938 г.: военинженер 1 ранга И. Г. Цикин (ИТЛ пять лет), майор Б. В. Замятин (ИТЛ восемь лет), интендант 1 ранга П. В. Михеев (ИТЛ восемь лет) и интендант 2 ранга О. И. Ерохов (ИТЛ пять лет), двое последних вскоре умерли в местах лишения свободы.

Анализ имеющихся сведений о вынесенных приговорах позволяет сделать вывод, что общее число приговоренных к расстрелу командиров (начальников) ЛВО распределялось следующим образом: приговорены ВКВС — 38 %, приговорены «двойкой» — 55 %, приговорены «тройкой» — 2 %, приговорены военными трибуналами — 3 %, приговорены ОСО — около 2 %.

Таким образом, в отличие от восточных военных округов, в ЛВО в период массовых политических репрессий основная масса расстрельных приговоров командирам и начальникам была вынесена постановлениями Комиссии НКВД и Прокурора СССР, так называемой «двойкой».

Стоит более подробно рассмотреть взаимоотношения органов НКВД и военной прокуратуры ЛВО в период массовых политических репрессий. Получение данным Наркоматом от советской юстиции дополнительных неписаных прав, доходящих до вседозволенности, было одним из необходимых условий получения в короткие сроки массы политических дел следователями НКВД. Важность внутривластной задачи с ответственностью воспринимал прокурор СССР А. Я. Вышинский, снисходительно относившийся к различным нарушениям со стороны следственных органов НКВД. Известны и другие его нововведения в данный период. Так, в декабре 1937 г. прокурор СССР предписал подчиненным ему прокурорам не направлять в суды уголовные дела, а представлять на рассмотрение особых совещаний, если «характер доказательств виновности обвиняемого не допускает использования их в судебном заседании». Подобными «доказательствами» являлись донесения осведомителей, показания свидетелей и провокаторов, а также другие сомнительные источники. Таким образом А. Я. Вышинский значительно упростил процесс вынесения приговора по обвинению в политическом преступлении, позволяя осуществлять это фактически без судебного заседания, поскольку в результате рассмотрения дела легко могли вскрыться явные признаки его фальсификации.

В период развертывания массовых политических репрессий деятельность военного прокурора ЛВО соответствовала официальному политическому курсу, установкам Главной военной прокуратуры и требованиям командующего войсками округа. Если Б. М. Шапошников на общем закрытом партсобрании призывал: «Мы, в первую очередь, должны очиститься от подонков троцкистских банд. Тщательно проверить себя на всех участках нашей работы», то военный прокурор ЛВО не мог не поддержать командующего. Выступая перед коммунистами в апреле 1937 г., Н. М. Кузнецов в духе идеологических установок февральско-мартовского Пленума партии призывал собравшихся: «Мы часто не замечаем того, что делается вокруг нас. Часто враги народа орудуют у нас под руками, а мы этого не видим, а ведь борьба с нашими врагами, шпионами, троцкистами, диверсантами и террористами — дело не только органов НКВД, а каждого члена партии».

Военный прокурор ЛВО с 1928 г. Николай Михайлович Кузнецов, 1885 г. р., русский, член партии с 1903 г., комиссар ряда объединений и соединений в годы Гражданской войны, принадлежал к плеяде старых партийцев. 13 марта 1936 г. ему было присвоено воинское звание диввоенюрис. 19 апреля того же года в связи с 50-летием Н. М. Кузнецова состоялся приказ НКО: «Отмечая его неутомимую работу в рядах РККА с начала ее организации на фронтах гражданской войны, по укреплению ее боеспособности и в борьбе за революционную законность — награждаю его именными золотыми часами».

Далеко не все военные прокуроры, даже имеющие заслуги перед партией и правительством, в этот непростой для страны и армии период могли чувствовать себя в абсолютной безопасности. К тому же не все из них были послушными исполнителями чужой воли в ходе репрессий. С расширением репрессий в ЛВО органы НКВД все чаще и жестче оказывали давление на представителей военной прокуратуры, с санкциями которых производились массовые аресты военнослужащих и которые были призваны осуществлять надзор за производством следствия. Военный прокурор ЛВО диввоенюрис Н. М. Кузнецов был арестован в Кисловодске 4 августа 1937 г. по обвинению в политических преступлениях. Весть о его аресте вскоре достигла Ленинграда, и в протоколе № 7 партсобрании парторганизации штаба и ПУОКРа 10 августа 1937 г. зафиксировано выступление коммуниста Петровского с информацией об аресте Н. М. Кузнецова. Сообщение сразу же нашло отклик в зале, запротоколирована реплика коммуниста Голубева: «Всю прокуратуру надо посмотреть, поскоблить ее».

Более шести месяцев следователи НКВД выколачивали из Кузнецова признательные показания в политических преступлениях. Один из них позднее признался, что истинные причины ареста не совпадали с официальной фабулой обвинения: «Арест прокурора Кузнецова

был вызван тем, что в момент развертывания массовой операции он критически подходил к даче санкций на арест, так как аресты часто были недостаточно обоснованными». 17 февраля 1938 г. Н. М. Кузнецов был приговорен по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР к 15 годам ИТЛ. Дело было отправлено на следствие, и он был реабилитирован 30 декабря 1939 г. Н. М. Кузнецов был освобожден 15 февраля 1940 г. Его даже восстановили в партии, но подорванное в местах заключения здоровье не позволило бывшему военному прокурору ЛВО долго наслаждаться свободой — Н. М. Кузнецов умер 10 января 1941 г. Только в 1972 г. состоялось решение Ленгорисполкома об увековечении его памяти и установлении надгробия на могиле.

Работники военной прокуратуры ЛВО, пытавшиеся организовать контроль соблюдения законности в процессе предварительного следствия, создавали ограничения следователям НКВД в применении способов получения нужной им информации. Более того — в период массовых политических репрессий работники военной прокуратуры были опасными гостями в местах содержания подсудимых. Бывший сотрудник УНКВД ЛО Г. Е. Богданов 1 сентября 1939 г. показал, что заместитель начальника ОО УНКВД ЛО капитан ГБ «Самохвалов в 1938 году не велел допускать прокуроров к арестованным, так как прокуроры портят последних».

Достаточно объективно раскрываются взаимоотношения органов военной юстиции и НКВД в деле председателя военного трибунала ЛВО с 1930 г. Мазюка Александра Ивановича, который подвергся аресту на завершающей стадии периода массовых политических репрессий. Диввонюрист А. И. Мазюк, поляк, бывший прапорщик царской армии был арестован 7 июля 1938 г. Примечательно, что постановление на арест утверждено начальником УНКВД ЛО комиссаром ГБ 3 ранга Литвиным 10 июля 1938 г., арест санкционирован военным прокурором ЛВО только 13 июля того же года.

Первый допрос 7 июля 1938 г. вел оперуполномоченный Ларионов. На следующий день появилось заявление А. И. Мазюка на имя Н. И. Ежова, в котором подследственный сообщал: «В 1918 году в течение 3-4 месяцев я состоял в партии левых с.-р. в Смоленской организации. ...В 1931 году я познакомился с командующим войсками ЛВО Беловым И. П. В последующих наших встречах с Беловым я подпал под его влияние и в дальнейшем он использовал меня в 1934 г., как бывшего левого эсера, для своей контрреволюционной деятельности. С этого времени я выполнял задания Белова по осуществленной им контрреволюционной работе, а именно по созданию и руководству контрреволюционной, эсеровской группы среди судебных трибунальских работников. Согласно этих заданий Белова мною были завербованы в указанную группу — член коллегии ВТ Нелюбин и другие. Прошу допросить меня, я дам подробные показания».

Несмотря на то, что подследственный Мазюк к 21 декабря 1938 г. был допрошен 24 раза и сроки ведения следствия на тот момент были продлены дважды, дело двигалось медленно. Менялись следователи, менялись и методы их работы. Например, на допросе 9 января 1939 г. Мазюку было задано три вопроса и получено 3 ответа, при этом допрос продолжался 1,5 часа. Менялись и показания А. И. Мазюка. 13 января 1939 г. он категорически отрицал показания, данные им 8-10 августа 1938 г., и сообщил следствию, что смалодушничал и дал ложные показания. При этом в протоколе допроса имеется приписка от руки: «К моему ответу о собственноручных показаниях дополняю после слова “смалодушничал” — находясь в тяжелом моральном нервном состоянии, я оклеветал себя и других в совершенно неизвестных мне преступлениях». Мазюк отвергал показания Белова и Нелюбина о своем участии в военно-эсеровской организации. «Я повторяю, что никакой преступной деятельности я не вел», — заявлял он на допросе 13 января 1939 г. Не находила подтверждения версия следователей о том, что Мазюк «смазывал» политические дела на военнотружущих ЛВО. В конце февраля 1939 г. срок следствия был продлен в третий раз.

Следователи НКВД пытались получить любую компрометирующую А. И. Мазюка информацию и оформить материалы для рассмотрения дела Особым совещанием НКВД СССР. Но на допросах в марте и в мае 1939 г. он, признавая вступление в партию эсеров в 1918 г. и смену фамилии в 1912 г. (до этого имел фамилию Шерповский), категорически отрицал свое участие в политических преступлениях.

В результате 14 декабря 1939 г. военный прокурор ЛВО вынес постановление: «Дело по обвинению Мазюка прекратить и его из-под стражи освободить». Это явно не устраивало руководителей УНКВД Ленинградской области. Комиссар ГБ 3 ранга Гоглидзе 15 декабря 1939 г. направил доклад народному комиссару внутренних дел, в котором изложил суть дела и подчеркнул: «Со своей стороны считаю, что дело Мазюка А. И. подлежит рассмотрению на Особом совещании НКВД СССР. Дело направлено прокурору СССР с ходатайством санкционировать содержание под стражей Мазюк». На документе имеется резолюция Л. П. Берия: «На особое совещание. Л. Б. 22.12.39».

Армвоенюрист В. В. Ульрих 11 февраля 1940 г. в ответе на запрос Главной военной прокуратуры РККА положительно охарактеризовал А. И. Мазюка: «По работе в ВТ ЛВО он зарекомендовал себя квалифицированным, энергичным, опытным работником с административными и организационными способностями и правильно ориентирующимся в обстановке. <...> в практической судебной работе он проводил в основном правильную политическую линию. Случаев недооценки социальной опасности контрреволюционных преступлений со стороны Мазюка не было ни при рассмотрении им дел в судебных заседаниях,

ни при рассмотрении дел в порядке кассации и судебного надзора. Руководство деятельностью подчиненных ему периферийных трибуналов ЛВО Мазюк осуществлял правильно». К отдельным ошибкам, допущенным Мазюком по некоторым делам, Ульрихом были отнесены следующие: «... не применил к некоторым из осужденных поражения их в политических правах, а в 1937 г. Мазюком неосновательно было вынесено несколько приговоров по недостаточно расследованным делам, которые Военной Коллегией были отменены».

После проведения дополнительного расследования, в марте 1940 г. прокурор Союза ССР М. Панкратьев возвратил дело по обвинению бывшего председателя военного трибунала ЛВО А. И. Мазюка в Наркомат внутренних дел. В сопроводительном письме на имя Л. П. Берия излагались результаты дополнительного расследования и вывод прокурора Союза ССР: «Учитывая все вышеизложенное, считаю, что материалы по делу Мазюка не дают основания ставить это дело на Особое Собрание и нахожу, что дело Мазюка прекращено правильно». Но нарком внутренних дел имел на сей счет иное мнение. Своей резолюцией на документе — «Тов. Бочков! Доложить дело. Л. Берия. 15/Ш 40» — он придал делу новый импульс.

В начале апреля 1940 г. начальник особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3 ранга В. М. Бочков обратился к заместителю председателя Верховного суда Союза ССР И. Т. Никитченко, которым 14 февраля 1940 г. была дана справка по следственному делу Мазюка о том, что «Мазюк в практике своей работы допускал неправильные решения в смысле смазывания опасности совершенных преступлений...». Органы НКВД явно нуждались в какой-либо компрометирующей А. И. Мазюка информации, поэтому обращение В. М. Бочкова завершалось следующим: «Для документации дела Мазюка, прошу сообщить по каким конкретно делам он выносил неправильные решения и в чем заключалась неправильность выносимых им решений».

Диввоенюрист Никитченко, который после ареста Мазюка в 1938 г. активно выступал на партсобрании с разоблачениями вражеской деятельности последнего по «смазыванию» политических дел на военнослужащих ЛВО, в данном случае занял позицию в соответствии с изменившейся внутривластной обстановкой. В переписке с функционерами НКВД он отделился пометой: «По каким конкретно делам вынесены были неправильные приговоры и определения сейчас не могу указать, так как у меня не имеется никаких материалов. Данные о работе Мазюка могут быть получены в Военной Коллегии В/С СССР. 9.4.40».

Противостояние Наркомата внутренних дел и органов юстиции в этом деле завершилось в пользу ведомства Берии. 17 апреля 1940 г. Особым совещанием А. И. Мазюк был приговорен к восьми годам ИТЛ, где и скончался в ноябре 1941 г. Бывший военный прокурор ЛВО А. И. Мазюк был реабилитирован посмертно 26 декабря 1955 г. Данный пример позволяет более полно охарактеризовать деятельность органов военной юстиции ЛВО в сложный исторический период массовых политических репрессий, объективно представить суть процесса восстановления социалистической законности в конце 1938-1940 гг.

Представляют интерес внутренние процессы, которые проходили в органах военной юстиции в период массовых политических репрессий. Деятельность военного трибунала ЛВО была подвергнута проверке через два дня после ареста А. И. Мазюка. Комиссию возглавлял заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда СССР диввоенюрист И. Т. Никитченко. После завершения работы проверочной комиссии он выступил с докладом 13 августа 1938 г. перед работниками военной юстиции ЛВО на общем закрытом партсобрании партгруппы военного трибунала и военной прокуратуры: «Мною с тов. Костюшко было проведено обследование работы ВТ ЛВО за 1937 и половину 1938 г. В итоге этого обследования нами выявлены те пути и каналы, по которым бывший пред. Трибунала, ныне враг народа Мазюк и др. враги народа, пролезшие на работу в ВТ ЛВО, как Петерсон, Чижевский, проводили свое вредительство. Одним таким каналом, по которому шло вредительство это была практика смазывания политических дел при их рассмотрении. Нужно сказать, что таких дел через ВТ ЛВО прошло много».

Для примера следует привести одно из дел, рассмотренных в свое время Петерсоном, дело о шпионаже. Материалами предварительного и судебного следствия виновность обвиняемых была доказана. Тем не менее военюрист 1 ранга К. Я. Петерсон меру наказания этим обвиняемым определил в 5-6 лет, что явно недостаточно.

Военным Трибуналом под председательством Мазюка было рассмотрено дело по обвинению Базилевского, который высказывал настроения изменить родине в случае войны. Мазюк определил ему наказание в 5 лет. Но это дело ему смазать не удалось, Воен. Коллегией приговор был отменен.

Чижевский рассматривал дело по обвинению Болдырева и несмотря на то, что виновность Болдырева следствием была установлена и дело следовало разобрать по существу, — Чижевский направил это дело на доследование, в то время как доследовать было нечего. Вот кратко одна из форм вредительства врагами народа Мазюком, Петерсоном и Чижевским».

Действительно, вроде бы все ясно — заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда говорит о врагах народа, которые пытались смягчить приговоры за политические преступления и сомневались в полноте и объективности доказательств, собранных следователями НКВД. Теперь они за решеткой, справедливость торжествует, органы НКВД

могут спокойно продолжать работу по обезвреживанию политических преступников. Но далее следовал оригинальный поворот мысли докладчика: «Другая форма вредительства заключалась в том, что проводились массовые жесткие репрессии огульно по делам без должного индивидуального подхода к рассмотрению каждого отдельного дела. По этим делам, как правило выносились расстрелы. На первый взгляд кажется, что здесь проявляется бдительность, а на самом деле это просто маскировка Чижевским своей вредительской деятельности. Мазюк руководил этим вредительством, он давал установку на жесткую репрессию. Военной Коллегией часть таких дел прекращено, по ряду дел меры наказания были понижены».

Оказывается, выступающий раскрывал иную идею. Его праведный гнев обрушивался не просто на кучку отщепенцев. Он обличал врагов, которые на местах извращали практику советского военного трибунала и насаждали «массовые жестокие репрессии». Именно они повинны в расстрелах, в то время как Военная коллегия и сам диввоенюрист Никитченко только тем и занимались, что прекращали политические дела либо снижали по ним меру наказания.

В заключение выступления докладчик определил перспективы в работе военных юристов ЛВО: «Какие же задачи стоят на будущее время, что должны будут сделать работники ВП и ВТ и парторганизация в целом. Необходимо строго придерживаться указаний Февральско-Мартовского Пленума ЦК ВКП(б); тщательно подходить к разбору каждого дела, а не так как это делал враг Мазюк <...> Теснее связаться с воинскими частями, комиссарами частей».

Выступающие коммунисты говорили о том, что Никитченко помог парторганизации вывить «те методы, те пути и те каналы, по которым в основном проводилось вредительство врагами Мазюком, Петерсоном и Чижевским», отмечали, что Мазюк «искусственно создавал тормоз к посещению занятий кружка по изучению истории партии», призывали друг друга заняться ликвидацией последствий вредительства. Коммунист Федоров высказался о трудностях ликвидации этих последствий и исправлении ошибок, поскольку в военном трибунале ЛВО осталось «всего налицо трое товарищей». Не обошлось и без товарищеского упрека в адрес Военной коллегии, которая поздно отреагировала на действия врагов.

Примечательно, что призыв к выполнению решений февральско-мартовского Пленума партии, т.е. к развертыванию репрессий, был воспринят военными юристами ЛВО вполне одобрительно. Всех устраивало решение, при котором найдены виновные, достойные наказания за искривления в судебной практике в этот период. Идеологические установки, навязываемые юристам ЛВО московским руководством, заставляли первых работать с постоянной оглядкой наверх. Это пагубно влияло на объективность принимаемых судебных решений, самостоятельность и инициативу.

Кроме Н. М. Кузнецова и А. И. Мазюка из числа руководящего состава органов военной юстиции ЛВО были арестованы органами НКВД: члены коллегии военного трибунала Ленинградского военного округа военюристы 1 ранга К. Я. Петерсон и И. С. Чижевский, председатель военного трибунала 1 ск военюрист 1 ранга Ф. В. Марков, председатель военного трибунала 7 мк военюрист 1 ранга Ф. П. Нелюбин, председатель военного трибунала (г. Архангельск) бригавоенюрист В. Ф. Кордналик. Были осуждены Особым совещанием (ОСО) А. И. Мазюк, Ф. В. Марков, И. С. Чижевский и умерли в местах лишения свободы, вскоре после освобождения из мест заключения умер Н. М. Кузнецов, приговорен к расстрелу К. Я. Петерсон. Они вступили в смертельное противоборство с могучей системой НКВД, пытаясь соблюдать законность и остановить шквал доносов, арестов и фальсифицированных обвинений. Но попытка отдельных военных юристов ЛВО противостоять произволу НКВД завершилась устранением таковых.

Следует отметить, что военные трибуналы, особенно на завершающей стадии массовых политических репрессий в ЛВО, не во всех случаях шли на поводу у обвинительных органов. Они не мирились с нарушениями законности следственным аппаратом НКВД, принимали принципиальные решения об оправдании подсудимых или возвращении дел для дополнительного расследования в случаях недостаточности или сомнительности доказательств.

Выход совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанного от СНК СССР В. М. Молотовым и от ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным, внес позитивные изменения в деятельность органов военной юстиции и следственных органов НКВД. В данном документе указывались недостатки в следственной деятельности: «Часто арестованные не допрашивались более месяца после ареста; при допросах не всегда велись протоколы, а только тогда, когда арестованный признавался в совершенных им преступлениях». Отмечалось, что показания в протокол записывались избирательно и что «следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрошенным и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения». Констатировалось, что «органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы

Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконят эти нарушения».

Не признавая своих ошибок, данным постановлением тоталитарный режим в очередной раз обвинил отдельные личности в искривлении генеральной линии партии. Именно они «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью “дела” против невинных людей... пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах — враги народа».

Постепенно стали меняться и отношения военной прокуратуры ЛВО с органами НКВД, при этом военные юристы смогли более полно осуществлять прокурорский надзор, реагировать на жалобы военнослужащих, осужденных по политическим статьям.

Осенью 1938 г. произошли определенные изменения в деятельности Военной коллегии Верховного суда СССР. Последние три заседания ВКВС в Ленинграде (20, 21 и 29 сентября 1938 г.) прошли под председательством армвоенюриста В. В. Ульриха. Они представляли собой финальные аккорды массовых политических репрессий в ЛВО, своеобразную зачистку накопившихся политических дел. На этих заседаниях в Ленинграде было приговорено к расстрелу 136 человек, в том числе 45 военнослужащих.

9 октября 1938 г. прошло заседание выездной сессии ВКВС в Вологде, на котором к высшей мере наказания был приговорен 31 военнослужащий и четверо приговорены к длительным срокам лишения свободы. 10 октября тем же составом ВКВС были осуждены старший политрук и два капитана, на 15 лет лагерей каждый. После октября 1938 г. деятельность выездных сессий Военной коллегии в ЛВО по рассмотрению политических дел была свернута.

В 1939 г. выносимые военными трибуналами ЛВО приговоры по политическим статьям стали менее жесткими. Рассмотрение дел групп военнослужащих стало редкостью, в ряде случаев судебные инстанции отваживались на отмену приговора. Несколько активнее стал процесс пересмотра дел и изменения приговоров в сторону снижения сроков заключения. Например, капитану Г. Т. Степанову срок пребывания в ИТЛ был снижен с 15 до 5 лет, интендантам 3 ранга В. Квару и А. Н. Колычеву — с 10 до 7 лет ИТЛ. Были прекращены дела на некоторых арестованных командиров (начальников), в результате на свободе оказались полковник А. М. Главацкий, майор В. С. Лебедев, военврач 3 ранга Н. П. Рудаков, капитан М. И. Бовта-ченко, воентехник 2 ранга Г. В. Фишер.

В 1939 г. были оправданы и оказались на свободе арестованные в конце 1937-1938 гг.: полковник А. И. Лизюков, интендант 2 ранга И. Ф. Пожалостин, капитан А. С. Круглов, старшие лейтенанты И. И. Калябин, М. Р. Наабер, политруки А. П. Волков, В. С. Деменчук, А. А. Лаврищев, лейтенанты А. В. Кабанов, В. И. Тимофеев.

Решение на освобождение из-под стражи отдельных начальников принимал лично недавно назначенный нарком Л. П. Берия. Арестованные по подозрению в шпионаже и в ряде других политических преступлений див-инженеры И. П. Граве и П. А. Гельвих в январе 1939 г. оказались на свободе. В справке НКВД было указано, что они были «16 января 1939 г., как крупные специалисты по артиллерии, по личному указанию Наркома Внутренних Дел СССР Комиссара Госбезопасности 1-го ранга т. Берия из под стражи освобождены».

В том же году были освобождены из заключения: дивизионный комиссар П. С. Болтрушко, комбриги А. В. Благодатов и К. Н. Галицкий, бригадные комиссары К. И. Розенблюм и М. В. Фролов, полковники И. Е. Борзаковский, А. А. Бусяцкий, Н. В. Курганский, интендант 1 ранга И. Г. Мемнонов, батальонный комиссар П. И. Лейман, военврачи 2 ранга А. М. Главацкий, Г. Г. Макошин, капитаны П. Г. Карпуткин, А. Я. Ордановский, А. Л. Рыбаков, И. Ф. Чижевский, старшие лейтенанты А. Н. Звягин, Г. Я. Либерт, А. П. Пономарев, Е. М. Устрайх, политрук Д. В. Серебряков, лейтенанты М. Г. Должанский, Н. Я. Шемет, председатель военного трибунала 7 мк Ф. П. Нелюбин и другие.

Следует отметить, что процесс пересмотра дел, реабилитации и освобождения из заключения шел медленно, некоторые из заключенных так и не дожили до своего выхода на свободу. Например, майор В. М. Ефимов 16 января 1939 г. был приговорен к десяти годам лагерей, но Военной коллегией Верховного суда 28 апреля 1939 г. этот приговор был отменен. Ожидая высочайшего решения на освобождение, В. М. Ефимов умер в лагере 11 сентября 1939 г., и только после этого 18 сентября 1939 г. дело было закрыто. Некоторым освобожденным удалось прожить совсем недолго. Так, арестованный 7 августа 1938 г. капитан И. Ф. Чижевский, после пересмотра дела, весной 1939 г. оказался на свободе, но его здоровье было основательно подорвано, и 21 июля 1939 г. он умер.

Некоторым осужденным командирам в 1939 г. расстрельные приговоры были заменены различными сроками заключения в ИТЛ. Например, комдив Г. И. Овчинников вместо расстрела получил десять лет лагерей с последующим поражением в правах в течение пяти лет, такой же срок получил приговоренный к расстрелу интендант 2 ранга И. Г. Галибин; полковник Ю. И. Гродис и капитан С. С. Титов вместо высшей меры наказания получили по 15 лет. В ряде случаев подобная замена так и не оказалась счастливой, например, полковнику А. Г. Травинскому и батальонному комиссару П. Н. Николаенко высшая мера наказания была заменена десятью

годами ИТЛ, где они вскоре и умерли.

В 1940 г. продолжался процесс освобождения бывших военнослужащих ЛВО из мест заключения. Были освобождены: комдив К. К. Рокоссовский, диввоенюрист Н. М. Кузнецов, дивизионный комиссар И. М. Вейнерович, полковники И. П. Корчагин, Н. М. Трошихин, майоры Г. Е. Неклепаев, А. И. Сартори, Б. Б. Чернявский, капитаны В. Ф. Гудовский, Е. Е. Колесов, старший политрук И. Г. Дворецкий. Примечательно, что в этот период освобождались и те, кто был арестован по обвинению в политических преступлениях в 1937 г., и те, кто был арестован в 1939 г. Например, интендант 1 ранга Ф. М. Маслов провел в заключении 14 месяцев (был арестован 19 января 1939 г., оправдан 19 марта 1940 г.), комдив К. К. Рокоссовский³¹ находился в застенках НКВД более 30 месяцев (был арестован 17 августа 1937 г., освобожден 22 марта 1940 г.).

Освобождение из мест заключения отдельных приговоренных за контрреволюционные преступления командиров и начальников продолжалось и в годы Великой Отечественной войны, например, в 1942 г. был освобожден приговоренный на 15 лет лагерей комдив М. Ф. Букштынович, в августе 1943 г. оказался на свободе получивший восемь лет лагерей дивинженер К. Е. Полищук.

Далеко не все приговоренные по политическим статьям командиры получили возможность пересмотра дела. Практиковалось и обратное: в исправительно-трудовом лагере заключенному могли добавить срок или вынести расстрельный приговор по другому делу. Например, командир роты 48-го стрелкового полка лейтенант Д. П. Паскевич по приговору 154-го военного трибунала от 8 декабря 1938 г. был осужден по ст. 58-10, ч.1 УК РСФСР к семи годам ИТЛ с лишением воинского звания. В период отбывания наказания в 1941 г. Паскевич был осужден по другому делу и расстрелян.

Даже те, кто отбыл вынесенное приговором наказание не сразу, могли воспользоваться свободой. Так, обвиненный в политических преступлениях орденосец полковник С. М. Угорский 29 мая 1939 г. был приговорен Особым совещанием к восьми годам лишения свободы. Отбыв срок более чем «от звонка до звонка», он был освобожден в 1949 г., а затем определен на поселение.

Таким образом, в СССР становление органов военной юстиции осуществлялось в сложную историческую эпоху, когда общественное мнение в стране формировалось идеологическими установками об усилении классовой Борьбы. В 1937-1938 гг. деятельность всей государственной машины, в том числе и правоохранительных органов, была направлена на борьбу с контрреволюционными проявлениями. Органы военной юстиции ЛВО, как составная часть репрессивного аппарата, в период политической чистки были вовлечены в процесс жесткой борьбы с потенциальными и мнимыми противниками социалистического строя, в ходе которой пострадало значительное количество представителей командно-начальствующего состава.

При этом со стороны органов НКВД были предприняты меры давления на работников военной прокуратуры и военного трибунала округа. В результате насильственного устранения путем ареста ряда руководящих работников, органы военной юстиции в период массовых политических репрессий испытывали затруднения в осуществлении контроля за проведением арестов и следственной деятельностью особых отделов НКВД. Постепенное возвращение утраченных функций позволило органам военной юстиции с осени 1938 г. активизировать реабилитационный процесс, который медленно расширялся на фоне затухающих политических репрессий.

А.М. Григорян, В.С. Мильбах, А.Н. Чернавский. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг. Ленинградский военный округу СПб, СПбГУ, 2013.

...ая прокуратура Союза ССР
...ая прокуратура

Уголовное дело № 521

по обвинению в...
125 стрелкового полка
28 стрелкового полка
... 58-10, 195(6)
...ской ССР